

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*Л.А. ГОРДОН***Бедность, благополучие, противоречивость:
материальная дифференциация в 1990-е годы**

Вне сомнения, в общественной дифференциации экономические элементы далеко не всегда играют ведущую роль и уж во всяком случае никогда не исчерпывают всех ее факторов. Однако в сегодняшней России именно они могут оказаться ключом к пониманию очень существенных процессов, формирующих новые социальные неравенства и определяющих напряженность социального развития в целом. Это связано прежде всего с тем, что в обществе, переживающем переходный кризис, экономические различия достигают особой глубины. В стабильных, устоявшихся социумах они по большей части сопряжены с разной степенью проявления одних и тех же тенденций. Например, положение большинства улучшается или, наоборот, ухудшается, но у разных групп в разной степени. В переходных же обществах абсолютное повышение жизненного уровня одних зачастую сочетается с относительным обеднением тех, чья жизнь улучшается медленнее, а абсолютное понижение жизненного стандарта - с относительным обогащением тех, кто теряет сравнительно немного. Кроме того, в ситуациях, подобных нашей, не слишком часто встречается параллельно происходящее абсолютное обогащение и абсолютное обеднение значительных масс людей.

К тому же разрушение тотально идеологизированного и политизированного социалистического строя может привести (и действительно ведет) к тому, что необходимая деидеологизация (в смысле устранения всеобщего подчинения общественной жизни догмам идеологии) оборачивается тотальным отказом от идеологии, от нравственных и идеальных императивов вообще и возникает опасность идейно-этического вакуума. В обстановке подобного вакуума материальное положение людей и групп может на какое-то время стать суррогатом идейных и этических критериев, чуть ли не единственным показателем жизненных достижений, приобрести самоценное значение.

Но в то же время повышение роли денег и материальных ценностей в качестве измерителя жизненного успеха, создавая угрозу идеальным началам людского существования, многообразию его целей, одновременно оказывается мощным средством утверждения равенства различных видов жизнетворчества. В этом смысле замещение множества профессиональных, чиновных, наследственных статусов деньгами есть форма демократизации повседневной жизни. Вероятность материальных достижений и связанного с ними признания остается, конечно, неодинаковой для категорий и групп, имеющих разный социальный статус и занятых разными видами социальной

активности. Но по крайней мере слабеет внеэкономическая иерархия сословно-статусной принадлежности, которая составляет отличительную черту феодальных и тоталитарных (в том числе госсocialистических) обществ. Так что в момент перехода к рыночному общественному устройству экономическая дифференциация может замещать дифференциацию ценностно-культурную.

И еще одно обстоятельство: переходная природа нынешней социальной ситуации придает всем ее элементам, в том числе и социальной дифференциации, смутный, незавершенный и невыявленный характер. Если то, от чего отходит Россия, что рушится в нашей стране, сравнительно понятно, то куда мы движемся, какой строй и какая социальная структура формируется у нас, пока еще далеко не ясно. Последовательное изучение отдельных сторон, обозримых "кусочков" действительности, сосредоточение на том, что может быть подвергнуто анализу, исходя из имеющихся материалов, так или иначе определяет главные подходы к постепенному познанию социальных реальностей, кристаллизующихся из первичной "социальной взвеси" переходного времени. В данной связи полезно, отбирая объекты изучения, учитывать не только их потенциальное значение в жизни социума (тем более, что пока трудно быть уверенным в сравнительной важности тех или иных феноменов), но и брать в расчет доступность объектов исследования, надежность и полноту характеризующих их данных. Изучение экономических различий обеспечено такими данными лучше, чем исследование многих других сторон социальной дифференциации. Кроме того, эти различия в известном смысле проще социально-культурных и социально-классовых делений. Соответственно, они особенно пригодны для первичного анализа, в том числе, когда выделение групп производится не по одной характеристике (как бы важна она ни была), но одновременно по нескольким показателям, на многомерной основе.

Сразу же оговорюсь, что, используя многомерные подходы к изучению материального положения, я отнюдь не считаю их заведомо более предпочтительными сравнительно с критериями одномерными. Как известно, любые варианты многомерного анализа имеют немалые слабости, в первую очередь обусловленные зависимостью их итогов от набора исходных признаков и методов измерения связей между объектами в пространстве этих признаков. Сама многочисленность признаков, составляющая главное преимущество многомерного подхода, одновременно, особенно если они включаются в расчет не на основе убедительно доказанной теории дифференциации (которой пока что нет), обуславливает высокую колеблемость получаемых результатов.

Показатель душевого дохода, чаще всего используемый в качестве единственного при измерении параметров экономической дифференциации, в современной России не слишком достоверен [Богомолова... 1997]. Что касается других характеристик, само их расхождение друг с другом показывает недостаточность каждой из них, взятой в отдельности. Например, в рамках рассматриваемых здесь обследований середины 1990-х годов материальное положение своей семьи как хорошее и очень хорошее обычно оценивали около 5% респондентов. Но примерно 45-50% тех же людей говорили, что, хотя им приходится экономить, в целом они живут более или менее прилично либо получаемые доходы вообще избавляют их от материальных забот. Одновременно 15-20% опрошенных сообщают, что они удовлетворены своим материальным положением, 45-50% - питанием, свыше 50% - жильем. Поэтому масштабы ложных заключений в случае использования неправильно выбранного единственного показателя явно превосходят размер вероятных ошибок, получающихся вследствие неточности некоторых из включенных в совокупность характеристик.

В самом общем виде многомерные критерии (как и одномерные) и основанные на них классификации можно подразделить на две категории. Во-первых, критерии теоретические и логические, выводимые, так сказать, "извне", на основе суждений, постулируемых независимо от хода и итогов исследования, в рамках которого они применяются. Во-вторых, критерии естественно-эмпирические, строящиеся на большей или меньшей близости, сходстве элементов изучаемых явлений. Во многих отноше-

ниях последние критерии и классификации обладают несомненными преимуществами. Пожалуй, главное из них - возможность определять сходство и различия, учитывая одновременно десятки показателей. Вместе с тем, свои достоинства имеют и многомерные логические критерии, ибо они опираются на меньшее число исходных показателей, объединяемых к тому же по четким и заранее заданным правилам, и обычно отличаются заметно большей ясностью сравнительно с факторными, компонентными, кластерными критериями и типологиями.

Еще важнее, что интерпретация логических критериев (а значит, и результатов основанных на них классификаций) имеет гораздо более однозначный и определенный характер. Соответственно, они позволяют делать более четкие заключения, тогда как итоги факторного и кластерного анализа оставляют привкус сомнения, так что их результаты образуют не столько выводы, сколько гипотезы. Нельзя забывать также и об определенных преимуществах логических критериев при классификации объектов, обладающих нелинейными, неаддитивными свойствами, т.е. свойствами, которые нельзя суммировать.

Сочетание обоих обстоятельств - большей простоты, прозрачности и большей пригодности для выявления нелинейных свойств - обуславливает использование в данной работе комбинационных многомерно-логических критериев. Что касается эмпирических многомерных критериев, надеюсь обратиться к ним в последующих исследованиях, когда яснее станут фундаментальные связи новой российской социальной структуры.

Еще одна трудность пользования методами многомерного анализа должна быть оговорена с самого начала. Помимо слабостей самих многомерных расчетов, их результаты зачастую дополнительно ограничиваются спецификой данных, на основе которых осуществляются такие расчеты. Определение параметров материальной дифференциации и установление связей этой дифференциации с другими общественными явлениями предполагают наличие весьма обширного массива данных. Для его получения обычно приходится прибегать к вторичному использованию суммированных материалов нескольких обследований, проведенных ранее с совершенно иными задачами. Соответственно, отбор показателей для конструирования многомерных критериев отнесения человека к той или иной группе приходится производить на основе данных, имеющихся в достаточно большом числе исходных документов, причем не слишком отстоящих друг от друга по времени. Поэтому, увы, реально доступные данные для многомерного анализа того типа, о котором идет речь, обычно далеко не идеальны.

Однако "неидеальные" отнюдь не значит "непригодные". Утвердившаяся в современной России практика проведения едва ли не ежемесячных общенациональных обследований позволяет найти обширные массивы данных, содержащих сведения, пусть и не самые желательные, но достаточные для разработки комбинационных многомерно-логических критериев материальной дифференциации, для определения порядка величин, характеризующих эту дифференциацию, а также выявления наличия или отсутствия связи между такой дифференциацией и многими другими сторонами общественной жизни.

К подобного рода массивам относятся материалы опросов взрослого населения России, осуществляемых Всероссийским центром изучения общественного мнения. Мною были использованы объединенные данные опросов января 1995, января 1996 и января 1997 годов. Эти сведения относятся, в сущности, к одному и тому же периоду социального развития российского общества (во всяком случае, одному периоду с точки зрения социальной дифференциации). Особенно важно, что эти данные дают представление по меньшей мере о 6 показателях, характеризующих разные элементы материально-экономического положения респондентов¹. В большинстве случаев

¹ Время, прошедшее после кризиса августа 1998 года, показало, что, несмотря на всю тяжесть потрясения, кардинальных сдвигов в сложившейся ранее структуре российского общества не произошло.

Исходные показатели исследования

1. Общая оценка материального положения семьи

Градации оценки	Очень хорошее	Хорошее	Среднее	Плохое	Очень плохое	Нет ответа
Число опрошенных	10	258	2433	1878	493	95
Доля опрошенных (%)	Менее 1	5	47	36	10	2

2. Уровень душевого дохода в семье

Градации уровня	Высокий (доход полного достатка)	Средне-высокий (доход начального достатка)	Средний (доход минимального достатка)	Низкий (доход бедности)	Очень низкий (доход крайней бедности)
Число опрошенных	543	704	1047	1829	1044
Доля опрошенных (%)	11	14	20	35	20

3. Качественно-описательная характеристика уровня жизни семьи

Градации характеристики	Живем без материальных забот	Экономим, но живем более или менее прилично	Едва сводим концы с концами	Живем за гранью бедности	Нет ответа
Число опрошенных	277	2215	2169	361	145
Доля опрошенных (%)	5	43	42	7	3

4. Обеспеченность современным домашне-семейным имуществом

Градации обеспеченности	Высокая	Средняя	Низкая	Полная необеспеченность
Число опрошенных	548	1704	2454	461
Доля опрошенных (%)	11	33	47	9

5: Удовлетворенность питанием

Градации удовлетворенности	Вполне удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Совсем не удовлетворен
Число опрошенных	517	1795	1818	988
Доля опрошенных (%)	10	35	35	19

6. Удовлетворенность жильем

Градации удовлетворенности	Вполне удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Совсем не удовлетворен
Число опрошенных	936	1907	1230	1039
Доля опрошенных (%)	18	37	24	20

(4 из 6) содержание показателей очевидно из формулировок, приведенных в таблице 1. Лишь в двух случаях нужны пояснения. Это касается показателей душевого дохода и имущественной обеспеченности, которые используются здесь не в том виде, в каком они включались в опросные листы, но конструируются на основе комбинации материалов обследований. Так, полученные в ходе обследований данные о месячном среднедушевом доходе домохозяйств, к которым принадлежат опрошенные, используются в преобразованном виде, показывающем их принадлежность к одному из пяти уровней дохода. Для выделения таких уровней применяются точки, показывающие качественные различия в доходах. Наиболее надежно они выявляются на материалах обследования 1997 года.

Во-первых, применительно к этому обследованию можно обозначить уровень душевого дохода, за которым, по мнению опрошенных, начинается бедность. Такой уровень, правда, проводится в опросах ВЦИОМ лишь с конца 1996 года. В это время в начале 1997 года он колебался вокруг 300 тыс. руб. в месяц². Поскольку здесь принципиально используются округленные цифры, примем это значение как показатель рубежа бедности для января 1997 года. Во-вторых, в изучаемых опросах выявляются мнения респондентов о прожиточном минимуме. Как видно из других данных, под ним основная масса опрошенных (свыше 70%) понимает не доход, обеспечивающий физическое выживание, но средства, позволяющие, если отвлечься от иных обстоятельств, вести скромно-приличную жизнь [Экономические... 1996, № 5, с. 60]: Так что фактически речь тут идет, скорее, о начальном достатке, своего рода минимуме обеспеченности. Иногда его называют социальным минимумом (в противоположность физическому минимуму, характеризующему, скорее, предшествующий показатель - границу бедности). В январе 1997 года минимум обеспеченности по оценке опрошенных составлял, считая среднюю по медиане соответствующих ответов, около 500 тыс. руб. в месяц. В-третьих, таким же образом определяется доход, который согласно представлениям респондентов, позволяет жить "нормально". Подобный доход, как кажется, характеризует средства, дающие возможность вести зажиточную жизнь или жизнь в полном достатке. Медианное значение этого показателя для 1997 года было близко к 1 млн руб. в месяц на каждого человека.

Учитывая содержание перечисленных уровней дохода, а также принимая в расчет неполную сопоставимость медианных значений января 1997 года для минимума материальной обеспеченности и "нормального" дохода, с одной стороны, среднего показателя границы бедности - с другой, стоит говорить не о точках, а о некоторых интервалах вокруг упомянутых точек. Исходя из общего распределения опрошенных по уровням доходов, разумно счесть, что в январе 1997 года душевой доход в 200-400 тыс. руб. в месяц сам по себе (т.е. не принимая во внимание накопления имущество, жилье и т.п.) обрекал людей на бедность; доход в 400-600 тыс. при том же условии давал минимальную обеспеченность; в 900-1100 тыс. позволял вести сравнительно зажиточную жизнь. В таком случае доходы ниже уровня бедности можно считать крайне низкими, нищенскими, а доходы выше минимума обеспеченности ниже зажиточности - вышесредними или доходами среднего достатка. Выше уровня зажиточности располагаются доходы очень зажиточных и богатых. Но число их так невелико, что носителей данных доходов проще всего просто соединить с зажиточными.

В конечном счете получается, что, исходя из данных января 1997 года, значения среднемесячных душевых доходов можно разделить на 5 основных уровней: очень низкие, или нищенские, доходы (менее 200 тыс. руб.); низкие, или "бедные", доходы (200-400 тыс. руб.); средние доходы, или доходы минимального достатка (400-600 тыс. руб.); средневысокие доходы, или доходы начального достатка (600-900 тыс. руб.); высокие доходы, или доходы полного достатка и богатства (свыше 900 тыс. руб.).

² Здесь и далее используются денежные номиналы 1995-1997 годов.

Для людей, обследованных в январе 1997 года, уровень дохода определяется непосредственно через прямое соотнесение данных об их доходах с вышеперечисленными интервалами. С материалами 1995 и 1996 годов дело обстоит сложнее, так как здесь отсутствуют сведения о границе бедности. Поэтому значения индивидуальных душевых доходов предварительно пересчитываются в показатели, соответствующие изменению медианных значений этих доходов в 1997 году. Такой пересчет представляется допустимым, поскольку известно, что величина реальных душевых доходов в среднем за 1995-1997 годы почти не изменилась [Социально-... 1997, с. 184; Статистическое... 1997, с. 63]. Точно также имеющиеся в обследовании сведения о наличии 15 видов современного имущества и личной собственности (автомашина, дачный домик, цветной телевизор, видеомагнитофон, морозильник, компьютер и т.п.) позволяют, учитывая наличие или отсутствие этих видов имущества, дать характеристику уровня имущественной обеспеченности каждого из опрошенных.

В конечном счете, особенно если исходить из того, что жизненные обстоятельства людей образуют взаимосвязанную (пусть подчас и противоречивым образом) систему, можно надеяться, что с помощью 6 имеющихся в обследованиях 1995-1997 годов показателей удастся построить сравнительно надежные комбинационные многомерно-логические критерии отнесения опрошенных к категориям, находящимся в более или менее благополучном, явно неблагополучном и промежуточном положении. Применительно к последним многомерные критерии (и только они) позволяют уяснить, что именно определяется промежуточностью положения этой категории: средним состоянием большинства условий жизни или значительными различиями отдельных жизненных обстоятельств у каждого респондента. То есть положением, когда одни показатели уровня жизни респондента имеют позитивные (благополучные), а другие негативные значения. В таком случае промежуточность становится выражением противоречивости, рассогласованности, жизненных обстоятельств.

К категории находящихся в *сравнительно благополучном материальном положении* в предлагаемой типологии будут относиться опрошенные, у которых преобладают позитивные значения показателей материального положения (не менее 4 из 6), при условии, что в других их ответах не содержится ни одна крайне негативная оценка. (Позитивными значениями считаются две верхние градации любого показателя, негативными - две нижние, крайне позитивными или крайне негативными - самая высокая и самая низкая градации.) Наоборот, в категорию находящихся в *бедственном материальном положении* будут включаться те, в чьих ответах преобладают негативные значения (не менее 4 из 6), при условии, что среди других показателей их положения нет ни одного крайне позитивного индикатора. Все остальные составят категорию находящихся в *промежуточном материальном положении*. В составе этих последних целесообразно выделить группу находящихся в *остропротиворечивом социально-экономическом положении*. В нее войдут респонденты, в чьих ответах число позитивных оценок более или менее сопоставимо с числом негативных. В результате применения этого метода изучаемую совокупность можно разделить на три категории на основании сформулированных выше различий по материальному положению (см. табл. 2).

Взятые в округленной форме результаты расчета на основе шестимерных комбинационно-логических критериев позволяют утверждать, что в 1995-1997 годах 10-30% российского общества находилось в более или менее благополучном материально-экономическом положении, 30-35% было обречено на крайнюю нужду и глубокую бедность, 50-55% жило в промежуточной ситуации, в том числе 35-40% - в ярко выраженной противоречивой обстановке, включающей как вполне благополучные, так и совершенно бедственные жизненные обстоятельства. Еще раз оговорюсь: результаты многомерных расчетов, даже представленных в осторожной округленно-интервальной форме, не дают оснований для окончательных суждений о

**Распределение опрошенных по категориям, различающимся
материальным положением (в соответствии с шестимерными критериями -
в % к числу опрошенных в данном массиве)**

Массивы опрошенных	Находящиеся в благопо- лучном положении	Находя- щиеся в бедственном положении	Находящиеся в промежуточном положении			Все опро- шен- ные
			все	находящиеся в остропроти- воречивом положении	прочие	
Все опрошенные в 1995-1997 годы (5167 человек)	15	31	54	36	16	100
Опрошенные в январе 1995 года (1530 человек)	14	32	54	38	16	100
Опрошенные в январе 1996 года (1829 человек)	15	30	55	40	15	100
Опрошенные в январе 1997 года (1808 человек)	14	32	54	38	16	100
Опрошенные, ответившие на один из вопросов в 1996-1997 годах (1358 человек)	14	32	54	38	16	100
Опрошенные, ответившие на один из вопросов в 1995 году (778 человек)	15	31	54	37	17	100

перечне и соотношении категорий, формирующих материальную дифференциацию (равно, как и сами применяемые тут критерии не являются заведомо наилучшими). Думается тем не менее, что, не будучи бесспорным и исчерпывающим, ряд устойчивых и широко распространенных групп, выявляемых многомерными критериями, достаточно надежен, чтобы стать предметом детального рассмотрения и одним из элементов такого сопоставления.

**Основные черты материальных условий жизни
отдельных категорий населения**

Рассмотрение конкретных результатов изучения материальной дифференциации с использованием многомерных критериев логично начать с разбора каждой из категорий, получающихся в соответствии с этими критериями. Конечно, показатели положения этих групп отчасти предопределены содержанием самих критериев. Среди людей, находящихся в благополучной ситуации, по определению не должно найтись таких, для кого типичны самые худшие значения основных индикаторов жизненной обстановки. Напротив, у живущих в крайней нужде не будет наилучших показателей. Однако в остальных отношениях жизненная обстановка массовых категорий насе-

ления может быть выяснена лишь на основе анализа фактического положения людей, образующих соответственно используемым здесь критериям сами эти категории. К тому же после установления материальной принадлежности условия жизни отдельных категорий можно будет рассматривать с привлечением ряда дополнительных показателей сверх шести базовых индикаторов.

В общем, положение каких из получающихся у нас категорий лучше и каких хуже, ясно с самого начала. Но насколько и в чем именно лучше, заранее знать нельзя. Так что обратимся непосредственно к конкретным характеристикам уровня и условий жизни людей, находившихся в 1995-1997 годах в благополучном, бедственном и противоречиво-промежуточном материально-экономическом положении (см. табл. 3).

Благополучные. Как и следует ожидать, наиболее заметные и легко объясняемые особенности отличают положение тех, кто находится в более или менее хороших обстоятельствах, и тех, кто живет в крайней нужде. Так, материальное благополучие - притом, что речь идет не о ярко выраженном богатстве, а именно о благополучии, охватывающем заметную часть населения (и потому неизбежно умеренном) — означает получение душевого дохода в среднем более, чем вдвое (в 2,3 раза) превышающего показатели по всему обследованному массиву. В ином сопоставлении средний доход в совокупности благополучных семей и домохозяйств на четверть превосходит уровень минимальной в понимании опрошенных материальной обеспеченности. Фактически доход, несколько превышающий этот уровень, имели 35-40% благополучных. Еще примерно у 40% доходы находились на существенно более высоком уровне, что позволяло им жить, как определяют это сами респонденты, "более или менее нормально". Вместе с тем, для 15-20% опрошенных характерны более низкие доходы - соответствующие или чуть уступающие уровню минимальной обеспеченности. Что касается действительно низких, "бедных" доходов, граничащих с прожиточным минимумом или не достигающих его, то они в этой категории практически отсутствуют.

Примечательно, что в приведенной совокупности превышение доходов благополучных респондентов среднего уровня, в общем, соответствует тому, что показывают измерения доходной дифференциации всего населения России, проведенные в те же годы. Правда, разрыв в 2,2-2,3 раза, который фиксируется в официальных данных о денежных доходах, характерен для верхних 20% населения; очевидно, что у верхних 15% такой разрыв явно должен быть большим. Однако меньшая роль текущего дохода при определении благополучия с учетом нескольких факторов совершенно понятна: некоторые из этих факторов (например, накопленное имущество и жилье) отчасти замещают доход. В сегодняшнем российском обществе материальное благополучие (не богатство, а именно обычное, в сущности, умеренное благополучие) в массе случаев достигается только при наличии устойчивого денежного дохода, значительно превосходящего средний даже в своих открытых формах. Это положение отличается от ситуации в советском обществе, где в благополучном (по тогдашним меркам) положении оказывались подчас люди, которые имели вполне умеренные денежные доходы, но обладали доступом к источникам дефицитных ценностей, привилегиями в получении бесплатных и льготных благ. С уровнем денежного дохода хорошо согласуются и, так сказать, натуральные, вещественные показатели материального благополучия. По этим показателям верхние 10-20% также примерно вдвое превосходят средний уровень.

Впрочем, для понимания того, что означает благополучное материальное положение, важна не только относительная сторона приведенных соотношений. Еще показательнее их абсолютная величина. Реальное благополучие проявляется не просто в том, что уровень жизни его носителей вдвое выше, чем у остальных. Главное, что если не все, то подавляющее большинство тех, кто отнесен к числу благополучных, действительно (так сказать, в абсолютном выражении) хорошо питаются, обеспечены современным имуществом, удовлетворены своими жилищами. Более

Условия жизни основных категорий опрошенных (в %)

Показатели положения	Благополучные	Бедствующие	Промежуточно-противоречивые	Из них: находящиеся в остропротиворечивом положении
1. Доходы				
Уровень душевого дохода по отношению к среднедушевому доходу всех опрошенных	236	59	99	97
То же по отношению к доходу, соответствующему минимуму материальной обеспеченности	128	32	54	52
Соотношение имеющих доход, позволяющий жить прилично или ни в чем себе не отказывать, и доход, при котором едва удастся сводить концы с концами или приходится жить за гранью бедности*	97:2	7:90	59:38	60:39
2. Потребление, расходы				
Соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных питанием*	93:7	5:94	54:45	53:47
То же - жильем	86:14	25:74	64:35	62:38
Доля имеющих автомашину	56	7	30	29
Соотношение хорошо, а также среднеобеспеченных имуществом и малообеспеченных, а также совершенно необеспеченных*	85:15	14:86	49:51	48:52
Доля имеющих сбережения	39	5	15	13
Доля имеющих возможность купить жилье	12	Менее 1	2	2
3. Самооценка материального положения в целом				
Соотношение оценивающих свое материальное положение как хорошее, среднее, плохое*	23:76:1	2:20:78	3:55:40	3:50:45
Соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных своим материальным положением	54:44	1:97	17:81	15:83
4. Динамика перемен				
Соотношение тех, у кого материальное положение за предшествующие годы улучшилось, осталось прежним, ухудшилось*	40:30:30	16:15:69	22:22:56	20:21:58
Самооценка общественного положения несколько лет назад (по 10-балльной шкале)**	4,4	3,6	4,0	
Самооценка общественного положения в момент опроса (по 10-балльной шкале)**	4,6	2,7	3,5	

* Без учета затруднившихся ответить.

** Более высокие баллы соответствуют более высокому положению.

того, в современной России они образуют единственную массовую категорию, находящуюся в подобном положении.

Особенность положения благополучных, их в некотором роде противопоставленность остальным слоям населения сказывается еще в одном отношении. Только у них на протяжении предшествующего периода материальные условия в массе случаев - у 70% - не ухудшились; притом свыше половины тех, кто не испытал ухудшения (40% всех благополучных, т.е. относительное большинство данной категории), считают, что их жизненный уровень в течение этих лет повысился. Это прямо противоположно соотношению в других группах, где половина, а то и три четверти респондентов говорят об ухудшении своего материального положения. В обстановке ломки общественной системы и громадного экономического спада позитивная динамика становится одним из самых важных признаков материального благополучия.

Отмечая решительное отличие благополучных групп от прочих категорий, следует подчеркнуть, что экономическое положение большинства той части населения, которая живет в относительно хороших (и улучшающихся) условиях, все-таки очень далеко от жизненной обстановки подлинного богатства. Доля действительно богатых людей в российском обществе пока несравнимо меньше. Уровень жизни массовых благополучных групп отражает стандарт не этих последних, но формирующегося среднего класса современной России. Такой самоочевидный признак богатства, как обладание средствами, позволяющими купить жилье, характерен лишь для 12% людей, находящихся у нас в благополучном положении. (Другое дело, что в прочих категориях подобных возможностей нет практически ни у кого.) У большинства благополучных вообще нет сбережений - они имеются только у 39%.

В этой связи вполне реалистичными выглядят самооценки материального положения опрошенных данной категории (примерно 75% называют его средним и говорят, что им приходится экономить, чтобы жить более или менее прилично, а около 45% выражают неудовлетворенность уровнем своей жизни). Так что с собственно экономической точки зрения (в частности, как определяющий фактор на потребительском рынке) благополучные сегодня - даже не средний, а, если можно так выразиться, протосредний класс. Тем не менее 10-20% населения, живущим еще только в относительно благополучных условиях, и теперь есть что терять и чем рисковать. Этот слой общества в основной своей части уверен, что вместе с ростом благосостояния происходит более широкий процесс возвышения всего их социального положения.

Бедствующие. Шестой части общества, живущей в относительно благополучной обстановке, противостоит бедная треть - люди, находящиеся поистине в бедственном положении. Конкретные характеристики условий жизни бедных отличаются от средних показателей по выборке так же разительно, как и у благополучных, но, естественно, в противоположную сторону (см. табл. 3). Средний душевой доход в бедных семьях и домохозяйствах почти в 1,5-2 раза уступает усредненному доходу всех обследованных и в 3 раза - среднему уровню минимальной материальной обеспеченности. Фактически около половины бедных имеют доходы, колеблющиеся вокруг прожиточного минимума (уровня бедности в понимании респондентов) и треть (34%) - еще более низкие, совершенно нищенские доходы. Лишь у 15-20% бедных денежные доходы заметно превышают прожиточный минимум, приближаясь к уровню, дающему надежду на минимальную материальную обеспеченность. Это именно надежда, абстрактная возможность, ибо на деле подобной обеспеченности у них все-таки нет, о чем свидетельствуют другие показатели - имущество, жилье, питание и т.п.

Соответственным выглядят у бедных натурально-вещественные характеристики жизненной обстановки. Пожалуй, самое поразительное здесь - всеобщая неудовлетворенность питанием. О плохой и недостаточной пище говорят 94% бедных. (Напомним, что 93% благополучных удовлетворены тем, как питаются их семьи.) Чуть меньшая часть, но все же основная масса (74%) тех, кто находится в бедственном поло-

жении, не удовлетворены жильем. Для подавляющего большинства (86%) типична малая обеспеченность или полная необеспеченность современным имуществом, учитывавшемся в ходе опроса, у 17% нет ничего. Почти ни у кого из бедняков нет никаких накоплений (есть только у 5%), никто в этой категории, естественно, не может купить новое жилье. Неудивительно, что около 80-90% людей, попавших в категорию бедных, оценивают свое материальное положение как плохое и очень плохое или говорят, что они едва сводят концы с концами, живут за гранью бедности и т.п.

Чрезвычайно выразительны ощущения динамики бедности, испытываемые теми, кто оказался в тяжелых материальных обстоятельствах. В противоположность благополучным, 70% которых утверждают, что условия их жизни улучшились или по крайней мере не изменились, среди бедных почти такая же доля (69%) уверена, что за предшествующие 5 лет их положение ухудшилось.

Важно обратить внимание, что современная, "новая" бедность (как, в частности, видно из только что приведенных данных) качественно отличается от бедности последних советских десятилетий. Показательно, что наибольшую, фактически всеобщую неудовлетворенность у бедных сегодня вызывает питание. Похоже, что за таким недовольством стоит прямое недоедание по крайней мере части находящихся в бедственном положении. В подобной форме бедность у нас, кажется, не выступала с середины 30-х годов, войны и послевоенных лет.

Нынешнее обострение проблем питания неравнозначно, конечно, возврату к катастрофическим или полукатастрофическим ситуациям времен коллективизации или войны. В стране сегодня нет массового голода, охватывающего основные слои населения. Недоедание затрагивает главным образом беднейшую его треть, живущую в самых тяжелых условиях (притом отнюдь не весь этот слой). Однако в развитой стране конца XX века недоедание, широко распространенное хотя бы и в трети или четверти общества, составляет признак социального кризиса, не менее острого, чем тот, который в первой половине столетия выражали всеобщие голодовки. Поэтому, строго говоря, преувеличенные оценки массового сознания и публицистики - утверждения об очень широком распространении недоедания, голодных обмороках, всеобщей дистрофии и т.п. — будучи неверны в фактическом отношении, в более глубоком смысле выявляют вполне реальную "ненормальность", "кризисность" нынешней ситуации. Поэтому представляется верным утверждение, что "новые бедные" образуют столь же закономерную составляющую "новых русских", как и "новые скоробогачи", обычно отождествляемые с этим понятием.

Проявления бедности охватывают теперь и те стороны жизненной обстановки, где раньше нищета не выступала в крайних формах. На фоне улучшения жизни благополучных такое расширение поля тягот резко усугубляет социальные различия в обществе, превращает их в разрывы. Разница в материальном положении благополучных и бедствующих достигает такой глубины, при которой многие бедняки оказываются не просто более бедными членами единого общества, но его социально принижеными, дезинтегрированными изгоями, обитающими как бы в иной жизненной среде. Показательно, что параллельно с ухудшением собственно материальных обстоятельств в составе бедных увеличивается доля тех, кто считает, что в последние годы понизилось и их социальное положение в целом. Экономическая бедность практически полностью совпала с социальной приниженностью. Следовательно, рядом со скрепляющим социум протосредним классом, формирующимся из материально благополучных слоев, складываются бедствующие социальные низы, социальные аутсайдеры, чье положение во многих отношениях отчуждает их от общества, делает восприимчивыми к соблазнам радикально-утопических перемен, чреватых новой общественной дестабилизацией.

Находящиеся в промежуточном и противоречивом положении. В условиях жизни благополучных и беднейших слоев, охватывающих, судя по изучаемой выборке, около половины населения, материальные различия выступают в наиболее открытых

и ясных формах. Жизненная обстановка именно этих категорий определяет характер современных материальных делений, отсюда исходят главные импульсы перемен, здесь находятся их ключевые точки. На этом фоне положение той части российского общества, которая занимает промежуточное место между благополучными и бедствующими слоями, выглядит менее значимым, не слишком много дающим для понимания дифференциации. В общем и целом показатели промежуточного материального положения находятся где-то посередине между показателями благополучных и бедственных условий жизни. Практически все они более или менее соответствуют середине интервала между благополучными и бедствующими. Если душевой доход у благополучных более, чем вдвое превосходит величину среднего дохода по выборке и примерно равняется минимальной обеспеченности, а у бедствующих - вдвое уступает среднему и втрое - минимуму обеспеченности, то у тех, кто живет в промежуточной ситуации, он практически равен среднему в обследованной совокупности и несколько превышает половину минимума обеспеченности (54%). Доход здесь, следовательно, близок к официальному прожиточному минимуму³. Фактически доходы на уровне прожиточного минимума имеют 35-40% принадлежащих к промежуточной категории; почти у 20% тут доходы еще ниже, у 40-45%, наоборот, колеблются вокруг минимума материальной обеспеченности.

Подобным же образом обстоит дело и с натурально-вещественными показателями жизненной обстановки. Здесь снова все посередине: удовлетворены питанием больше половины находящихся в промежуточных условиях (54%), хорошо и средне обеспечены более двух пятых (41%), жильем довольны около двух третей (64%).

Правда, направленность материальных перемен в промежуточных группах (или, точнее, ее ощущения у опрошенных) ближе к тому, что происходит в бедствующих слоях населения. Как и у бедноты, в промежуточной среде гораздо больше тех, кто говорит о понижении своего жизненного уровня, и сравнительно немного чувствующих его рост.

В целом, с учетом лишь усредненных показателей, промежуточная часть сегодняшнего российского общества выступает как его смешанная полублагополучная-полубедствующая середина - совокупность семей и домохозяйств, находящихся не в полностью благополучном, но и не в крайне бедственном положении. Надо сказать, что подобное истолкование условий жизни промежуточных категорий во многом правильно. Прежде всего, в чисто фактическом смысле. Более детальное рассмотрение показывает, что не только в среднем, но и в подавляющей массе индивидуальных случаев жизненные обстоятельства респондентов, принадлежащих к промежуточной категории, действительно лучше, чем у бедствующих, и хуже, чем у благополучных. К тому же упор на выделение в промежуточном положении начал "срединности", менее яркого проявления тенденций, которые острее выступают на верхах и низах дифференциации, дает и эвристически ценные результаты. Он способствует осознанию того, что источники перемен и узлы напряженности, а значит, и главнейшие общественные процессы, отнюдь не всегда и не обязательно связаны с положением наиболее многочисленных слоев народа. Жизненные обстоятельства и сознательная активность меньшинств оказывают решающее влияние на судьбы общества ничуть не чаще (впрочем, и не реже), чем положение и действия народного большинства.

Однако при всем том преимущественно "срединная" трактовка никак не исчерпывает особенностей материального положения промежуточной части российского общества. Оно отличается от состояния благополучного и бедственного еще в одном важном отношении. Условия жизни, из которых складывается материальное положение, имеют у людей, принадлежащих к промежуточной категории, гораздо более противоречивый, разнонаправленный характер, нежели у благополучной или бедствующей среды. В этих последних, как видно уже из самого подавляющего перевеса

³ Напомню, что минимум материальной обеспеченности, т.е. то, что сами респонденты называют прожиточным минимумом, почти вдвое превышает официальный прожиточный минимум.

позитивных показателей у первых и негативных у вторых, основные условия жизни соответствуют друг другу. Обе эти категории, с точки зрения составляющих своего положения, сравнительно гомогенны и однородны. Напротив, промежуточная категория, с характерными для нее срединными показателями позитивных и негативных условий жизни, может оказаться как гомогенной, так и гетерогенной. Гомогенной эта категория была бы в том случае, если у большинства входящих в ее состав людей все или почти все элементы жизненного уровня были бы средними. Гетерогенной - если у принадлежащих к ней людей одни жизненные обстоятельства будут хороши, а другие плохи.

Многомерное описание материальной дифференциации имеет, помимо всего прочего, то достоинство, что позволяет выявить степень внутренней противоречивости в положении основных категорий, различающихся уровнем жизни. Более того, тут появляется возможность определить нечто вроде коэффициента противоречивости условий жизни. Его суть - сопоставление величины, выражающей фактическую противоречивость учитываемых показателей материального положения той или иной группы с величиной абсолютной, максимально возможной противоречивости. Итоги сопоставления, выраженные в долях, или процентах, величины абсолютной противоречивости как раз и покажут степень противоречивости в рассматриваемой группе.

Понимаемые подобным образом коэффициенты противоречивости окажутся разновеликими в зависимости от того, что будет считаться состоянием абсолютной противоречивости: вариант I - одна половина учитываемых показателей материального положения противоречит другой половине (в наших расчетах, когда из 6 показателей 3 имеют позитивные значения и 3 - негативные); II - любое равенство позитивных и негативных показателей (у нас это означает признание максимально противоречивым и положение с 3 позитивными и негативными показателями, и с 2 позитивными и 2 негативными показателями при 2-х нейтральных и т.п.); III - равенство позитивных и негативных показателей с учетом доли показателей нейтральных. Однако, будучи разными, коэффициенты эти во всех вариантах расчета у людей, находящихся в промежуточном материальном положении, получаются в несколько раз более высокими, чем у благополучных и бедствующих респондентов: 50-60% против 10-20% (см. табл. 4). Да и по абсолютной величине рассчитанные разным путем коэффициенты не слишком отличаются друг от друга, что делает этот вывод еще более убедительным. Так что в России 90-х годов большинство семей и домохозяйств, которые нельзя отнести ни к явно благополучным, ни к несомненно бедствующим, попадают в промежуточное положение именно потому, что одни условия жизни у них носят позитивный, а другие негативный характер. Конечно, позитивность и негативность выражены тут несколько слабее, чем в крайних категориях, но все же достаточно отчетливо, чтобы можно было говорить именно о противоположности, а не об усредненности.

К тому же напомним, что осуществляемые здесь расчеты особо выделяют в составе промежуточной категории тех респондентов, у которых противоречивым образом соотносится очевидное большинство жизненных обстоятельств, а именно респондентов, у которых 2/3 и более учитываемых нами индикаторов материального положения противоречат друг другу. То, что столь остро выраженная противоречивость определяет, как видно из таблицы 2, условия жизни 70% респондентов, находящихся в промежуточном положении (и значит, почти 40% всех обследованных), показывает гетерогенную природу нынешних промежуточных групп, пожалуй, еще более ясно, чем разница абстрактных коэффициентов противоречивости. Точно так же полное отсутствие людей, находящихся в остропротиворечивой ситуации среди благополучных и бедствующих (их присутствие невозможно тут по определению), подчеркивает преимущественную гомогенность этих критериев.

Чисто противоречивые типы, так сказать, ядра противоречивых соотношений, выраженные приведенными цифрами, касаются групп, охватывающих относительно небольшую долю промежуточной категории - немногим больше 15% всей ее числен-

Индекс противоречивости (рассогласованности) условий жизни, формирующих материальное положение различных категорий опрошенных (в % к показателям абсолютной противоречивости, или полной рассогласованности, учитываемых условий жизни)

Варианты расчета	Среди опрошенных, находящихся в:			
	благополучном положении	бедствующем положении	промежуточном положении	
			все	из них находящихся в остропротиворечивом положении
I	14	25	61	69
II	9	18	55	65
III	9	18	55	59
Средняя по всем вариантам	11	20	55	65

ности. У остальных противоречия выступают в несколько иных пропорциях. Но именно расхождение, с одной стороны, уровня доходов, а с другой - имущественной обеспеченности, жилья и/или питания, образует центр, к которому тяготеет большинство противоречий, характерных для промежуточных условий жизни.

Это и понятно. Подобное расхождение было широко распространено и в советском обществе. Известно, что дифференциация уровня жизни в нем всегда зависела не только (в иные периоды не столько) от величины доходов, но и от доступа к источникам дефицита, привилегий, объема натуральных благ и услуг, получаемых из пресловутых фондов общественного потребления. Все эти факторы материального положения слабо согласовывались друг с другом. Ситуации, в которых одни группы имели высокие заработки, но не могли реализовать их из-за дефицитности товаров, а другие широко пользовались бесплатными и льготными богатствами или дешевой официальных цен на дефицитные товары, имели едва ли не всеобщее распространение.

В перспективе переход к рыночной экономике, скорее всего, поведет к большей согласованности элементов экономического положения. В конечном счете доход будет определять уровень материального потребления и материальные условия жизни большинства населения. Однако подобное выравнивание требует немало времени. Пока же отмеченная противоречивость скорее возрастает, чем смягчается.

Пропорции дифференциации населения по материальным условиям

Понимание природы различий в положении категорий населения, находящихся в разном положении, делает возможной осмысленную оценку количественного соотношения этих категорий, их удельного веса в обществе. Снова оговорюсь, что расчет пропорций, на которые в соответствии с используемыми здесь критериями распадается совокупность обследованных, лишь очень приблизительно передает параметры экономической дифференциации реального российского общества. Подобный расчет характеризует лишь порядок величин и не позволяет делать количественные выводы.

Спору нет, соотношение людей, живущих (как это следует из многомерных критериев) в благополучной, бедственной и противоречивой обстановке, говорит о жесткой бедности нынешнего российского общества. Мало того, использование таких критериев указывает на более широкое распространение крайней нужды, нежели это

следует из официальных данных об одних лишь денежных доходах. Согласно этим последним, семьи и домохозяйства, чьи доходы уступали официальному прожиточному минимуму, охватывали в 1995-1997 годах не треть общества, как то получается при учете нескольких индикаторов, а лишь 1/4 или 1/5 часть населения.

Но, вскрывая реальные масштабы сегодняшней бедности, учет многих показателей жизненной обстановки одновременно отбрасывает и занижающий эффект применения одних доходных индикаторов. Стабильное присутствие 1/6-1/5 части населения, живущей во вполне благополучной экономической обстановке, оказывает на социальную ситуацию воздействие, сравнимое с присутствием бедствующей 1/3. Главное же, что следует из наблюдающихся пропорций, заключается в том, что основная часть общества - больше 1/2 - хоть и не живет благополучно, все-таки не обрекается ныне и на прямую нищету или крайнюю нужду. Короче, такое общество *переживает глубокий социальный кризис, но не гибельную катастрофу.*

Различение кризиса и катастрофы может показаться лицемерной софистикой, в которой игнорируются страдания десятков миллионов людей. Однако за образами катастрофы и кризиса стоят различные понимания существа происходящего и, соответственно, неодинаковые представления о способах смягчения современных тягот. Катастрофические оценки ситуации, как правило, означают признание *бесперспективности* реформ и всего рыночного перехода в России. Думаю, напротив, кризисное видение нынешнего периода толкает к поиску решений, связанных с оптимизацией реформ и постоянным совершенствованием рыночно-демократических порядков. Такой подход не обещает быстрого преодоления общественных невзгод и бедствий. Надежнее тут будет говорить о десятилетиях и поколениях. Строго говоря, нет абсолютной гарантии, что процветающий социальный рынок в представимом будущем обязательно сложится в нашей стране. Но движение к нему все-таки содержит определенную вероятность успеха (пусть и небыстрого). Между тем отказ от этого с абсолютной неизбежностью загоняет нас в "бесконечный тупик" административно-командного хозяйствования.

Простое заключение о ненормальном и нестабильном состоянии индустриального общества, если только 10-20% всего населения живут в достатке, а вдвое больше бедствуют, потому и недостаточно, что оно оставляет в стороне проблему выхода из этого состояния. В данной связи важно подчеркнуть несколько иные выводы, следующие из пропорций материальной дифференциации. Первый среди них тот, что присутствие бедствующей 1/3 само по себе далеко не всегда обрекает общество в целом на социальный взрыв и катастрофу. В подобных ситуациях не раз оказывались многие ныне процветающие социально-рыночные экономики, в особенности во времена, когда социализированный капитализм там еще только складывался.

Вместе с тем - и тут мы подходим ко второму выводу - постоянный охват нищетой 1/3 населения всегда создает мощный тормоз общественного прогресса. Такое положение означает нарастающее отставание этих людей, их фактическое выключение из наиболее развитых и эффективных форм социальной, культурной, производственной активности. Нравственная и политическая невозможность терпеть непомерные различия накладывает на общество обязанность направлять немалую долю национального продукта на помощь бедствующим слоям населения. Постоянная бедность не только сокращает общественный потенциал значительных групп народа, но и вынуждает общество производить огромные социальные траты, не нужные в иных условиях.

В постсоциалистической России такая ситуация может иметь особенно губительные последствия в силу культурных традиций, согласно которым физический труд — притом именно тяжелый физический труд - заслуживает наибольшего сострадания и вознаграждения. Поэтому, например, многие рабочие требуют выплаты долгов по зарплате, апеллируя не к закону, справедливости, экономическому эффекту, но указывая на тяжесть труда, которым они заняты. Подобные традиции способствуют перерастанию сочувствия к вполне реальным и явно не оправданным страданиям менее развитой части общества в настроение, оправдывающее нераз-

витость как таковую, укрепляющее мифологию нравственной заслуги, героизма физических усилий и вообще отсталого, допотопного, экономически невыгодного труда.

Наконец, третий вывод, на который следует обратить внимание, отказавшись от примитивного катастрофизма, также связан со своеобразием постсоветской России. Длительное существование значительного бедствующего меньшинства, не делая социальную катастрофу совершенно неизбежной, образует тем не менее постоянную ее угрозу. Тут надо принять в расчет другую особенность пропорций нашей дифференциации: крайне нуждающаяся 1/3 народа соседствует в сегодняшней России с 1/2, находящейся в противоречивом положении. Достаточно ситуации даже не слишком значительно измениться, и в бедствующих условиях окажется большинство общества. Тем более, что противоречивые обстоятельства могут создавать ощущение крайней нужды и без слишком значительных перемен в объективной жизненной обстановке.

Разумеется, противоречивость положения промежуточной части населения делает возможным как почти мгновенный провал в бедность, так и относительно быстрое повышение жизненного стандарта. Наличие благополучных условий рядом с плохими расширяет перспективу улучшения жизненной обстановки в целом: ведь для позитивного сдвига тут нужно улучшить не все, но лишь некоторые элементы благосостояния. К тому же для достижения более устойчивой стабильности достаточно довести эти элементы до среднего уровня. Даже такое - пусть очень ограниченное - улучшение может решительно изменить обстановку в стране. Половина населения перейдет в этом случае из неустойчивого и противоречивого состояния в обычное для многих обществ (и обычно все-таки стабильное) усредненно-промежуточное положение. В сущности, именно такой переход - превращение противоречивого материального положения большинства в среднее положение полунуждающихся-полублагополучных, а не искоренение крайней бедности, - образует сегодня первоочередную задачу совершенствования пропорций материальной дифференциации.

Немалый интерес представляет также явное отличие соотношения численности благополучных, бедствующих, промежуточных категорий населения друг с другом от пропорций, в которых распределяются группы населения (опрошенных) по другим показателям или сочетаниям показателей жизненной обстановки. Знаменательна разница многих параметров дифференциации по суммарным, многомерным критериям материального положения (т.е. по критериям, отражающим совокупное воздействие всех учитываемых элементов жизненного уровня) и дифференциации по отдельным условиям жизни.

Само наличие такой разницы не вызывает удивления - разные стороны жизни развиваются неравномерно. Естественно и то, что пропорции распределения по совокупности показателей находятся где-то между пропорциями распределения по отдельным показателям. Но вот что любопытно: соотношение опрошенных, различающихся отдельными показателями, почти всегда хуже соотношения суммарных категорий благополучных и бедствующих, если речь идет об отдельных характеристиках и оценках обобщающего типа. В то же время распределение по отдельным показателям лучше разделения по суммарным критериям, когда дело касается отдельных конкретно-вещественных составляющих материального положения или вообще его частных элементов. Так, доля опрошенных, оценивших в январе 1997 года материальное положение своей семьи как хорошее и очень хорошее, втрое меньше, чем доля благополучных по шестимерному критерию (соответственно, 4% и 15%). Напротив, доля говорящих о плохом или очень плохом положении в полтора раза больше удельного веса бедствующих по такому критерию (49% и 31%).

О том, что распределение по отдельным показателям обобщающего характера дает худшие пропорции, чем разделение по суммарным критериям, говорит также соотношение благополучных и бедствующих, выделенных по совокупности показателей с соотношением людей, удовлетворенных и неудовлетворенных своим мате-

риальным положением. Тут, правда, прямое сравнение затруднено. Сведения о суммарном материальном положении включают сверх благополучных и бедствующих еще и людей, находящихся в промежуточной (средней) ситуации, тогда как данные об удовлетворенности предполагают дихотомическое деление, с одной стороны, утверждения о полной или частичной удовлетворенности, с другой - о полной или частичной неудовлетворенности. Но если рассматривать не абсолютные значения процентных долей, а своего рода соотносительные коэффициенты (во сколько раз число благополучных уступает числу бедствующих, во сколько раз число полностью и частично удовлетворенных уступает числу неудовлетворенных и т.п.), сопоставление становится если и не вполне строгим, то по крайней мере осмысленным. Из такого сопоставления видно, что число находящихся в благополучном материальном положении в 2 раза меньше числа бедствующих, тогда как удовлетворенных материальным положением меньше, чем неудовлетворенных в 4-5 раз. Получающаяся из соотношения крайних групп заметно более высокая удовлетворенность материальным положением сравнительно с его самооценкой кажется не слишком понятной. Однако самый факт более мрачного переживания материального положения в ответах на отдельные вопросы общего характера выступает в таких соотношениях с несомненной ясностью.

Тем важнее, что совершенно иные результаты дает сравнение того, как соотносится число благополучных и бедствующих (по комплексному критерию) с долей опрошенных, для которых характерны благоприятное и неблагоприятное состояние отдельных конкретно-вещественных показателей материального положения. Число респондентов, обеспеченных современным имуществом и удовлетворенных своим питанием и жильем, почти не уступает числу малообеспеченных и необеспеченных имуществом, неудовлетворенных питанием и жильем (а то и превосходит последнее). Даже в распределении по душевому доходу доля тех, кто получает достаточно денег, чтобы жить, по мнению опрошенных, более или менее прилично или совсем хорошо, практически охватывает половину обследованных.

В целом, если считать обследования 1995-1997 годов репрезентативными, надо признать, что распределение населения России по отдельным составляющим материального положения отличается более благоприятными пропорциями, чем распределение по совокупности показателей и оценок, а это последнее заметно лучше распределения в зависимости от отдельно взятых обобщающих оценок. Следовательно, переживание материального положения (а именно оно отражается взятыми в отдельности обобщающими оценками) зависит, помимо учитываемых здесь объективных элементов жизненной обстановки, еще от каких-то дополнительных обстоятельств. Скорее всего, тут сказываются эффекты распада привычного жизнеустройства и социального порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богомолова Т., Тапилина В. Экономическая стратификация: объективные и субъективные измерения // Социологические исследования. 1997. № 9.

Социально-экономическое положение России. 1996. М., 1997.

Статистическое обозрение. Ежеквартальный журнал. 1997. № 3.

Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 5; 1997. № 2.